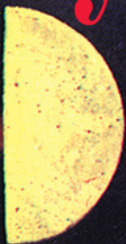

Дина Рубина

Наш
китайский
бизнес

ЭКСМО

Дина Ильинична Рубина

Наш китайский бизнес

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154302

Наш китайский бизнес: Эксмо-пресс; М.; 2021

ISBN 978-5-04-145194-3

Аннотация

«Беда была в том, что китайцы и слышать не хотели о китайцах. Наверное, потому, что были евреями.

Яков Моисеевич Шенцер так и сказал: нет-нет, господа, вы китайцами не увлекайтесь. Речь идет о еврейском Харбине, о еврейском Шанхае...

Словом, беседуя с ними, было от чего спятить...»

Дина Рубина

Наш китайский бизнес

*Хотел бы уйти я
В небесный дым,
Измученный
Человек.*

Ли Бо

Беда была в том, что китайцы и слышать не хотели о китайцах. Наверное, потому, что были евреями.

Яков Моисеевич Шенцер так и сказал: нет-нет, господа, вы китайцами не увлекайтесь. Речь идет о еврейском Харбине, о еврейском Шанхае...

Словом, беседуя с ними, было от чего спятить.

Когда мы вышли, Витя сказал:

– Ты обратила внимание на их русский? Учти, что многие из них никогда не бывали в России!

– Полагаю, все мы нуждаемся в приеме успокоительного, – отозвалась я.

– Я менее оптимистичен, – сказал Витя. – И считаю, что всех нас давно пора вязать по рукам и ногам.

Китайцами мы их прозвали потому, что это слово ясно с чем рифмуется. Когда перед нашими носами забрезжил лакомый заказец – их паршивый «Бюллетень», – мы наострили уши, наточили когти и приготовились схватить зажиточную мышку в свои пылкие объятия.

Поначалу эти обворожительные старички со своим рафинированным русским казались нам божьими одуванчиками. Вот именно тогда Витя и изрек впервые:

– Китайцев следует хватать за яйца.

И я с ним согласилась. Но яйца у них оказались основательно намылены.

Да. Стоит разобраться, ей-богу, почему же сначала они показались нам божьей травкой?

Корректность, конечно же! Их безукоризненные манеры и старосветское воспитание.

...Тут бы мне хотелось как-то посолиднее нас обозначить, но, боюсь, ничего не выйдет. Назывались мы «Джерузалем паблишинг корпорейшн», хотя ни я, ни Витя не имели к Иерусалиму ни малейшего отношения. Я жила в маленьком городке, оседлавшем хребет одного из холмов Иудейской пустыни, а Витя – в душном, рыбно-портовом Яффо.

К корпорации, какой бы то ни было, мы тоже не имели

ни малейшего отношения, но Витя считал, что это название придаст нашей фирме некоторую остойчивость. (Кажется, в корзину воздушного шара с той же целью грузят мешки с песком.)

Честно говоря, нас и фирмой назвать было совестно, но это уж – как кому нравится.

Когда, года четыре назад, нас обоих вышвырнули из газеты за то, что мы платили авторам гонорары, Витя, с присущей ему наглостью и гигантоманией, заявил, что с него довольно: больше он на хозяев не работает. Он сам будет хозяином.

– Кому, например? – спросила я с любопытством.

– Тебе, – простодушно ответил он.

– Да благословит вас Бог, масса Гек!

Тогда он с жаром принялся доказывать все выгоды самостоятельного бизнеса. Можно сильно греть налоговое управление, объяснял он, списывая текущие расходы на все, буквально на все! К примеру: приобретаешь ты за пятьдесят миллионов долларов на аукционе «Сотбис» Ван Гога, «Автопортрет с отрезанным ухом», и когда представляешь документы об этом в налоговое управление...

– ...тебе отрезают все остальное...

– Да нет! – кипятился Витя. – Тебе просто списывают эту сумму с годового налога!

Теперь вы понимаете, с кем мне приходилось иметь дело?

На другое утро он пошел в налоговое управление, положил голову на плаху и дал знак палачу опустить нож гильотины: зарегистрировал на свое имя компанию «Джерузалем паблишинг корпорейшн», единственным наемным работником которой оказалась я.

Первое время старые газетные связи еще держали наш воздушный шарик в бурных потоках издательской стратосферы. Одним из лучших заказов была религиозно-историческая брошюра, издаваемая консервативной ешивой, которую возглавлял рав Фихтенгольд. Дай ему бог здоровья – это был дивный заказ! Большая статья о порядке богослужений и жертвоприношений во Втором Храме. На третьей странице издания мы должны были изобразить Первосвященника иудейского в полный рост, в парадном одеянии.

Статью, конечно, перевели и отредактировали, что касается Первосвященника – с ним было хуже. Дело давнее, заметила я, кто его видал, этого парня?

И тут нам с Витей пришла в голову славная мыслишка насчет моего свитера – длинного, серого, вязанного такой мелкой дерюжкой. Простенького, но очень элегантного. У меня была хорошая фотография анфас в этом свитере. Снимали во время страстной ругни в Беэр-Шеве на конференции, посвященной связи двух культур – нашей и ихней. И поза хороша: правая рука воздета, левая прижата к груди. Почему-то Вите казалось, что это – самые подходящие для Первосвя-

щенника и одеяние и поза.

– Дай старичку шкуру на поноску, – сказал Витя. – Смотри: при помощи сканера переносим на экран твой свитер, убираем никому не нужную твою голову, находим в журналах благообразное лицо еврейского пророка, там этого добра навалом... – и старый хрен укомплектован!

Мы судорожно принялись листать журналы. Самым благообразным оказалось обнаруженное в «Джерузале́м рипорт» бородатое лицо Хасана Абдель Халида, идеолога арабской террористической организации ХАМАС. Витя сказал, что, пролистай мы еще сто двадцать журналов, более типичного еврейского лица не найти. Дадим растром, сказал он, его и родственники не опознают, как после автомобильной катастрофы.

Что же касается нагрудной пластины с драгоценными камнями, украшавшей одеяние Первосвященника, тут уж все было проще простого: среди прочего хлама я зачем-то вывезла с бывшей родины коллекцию уральских самоцветов. Они и послужили, так сказать, прообразом драгоценных камней, символизирующих цвета двенадцати израилевых колен...

Рав Фихтенгольц был в восторге. Первосвященник наш иудейский с головой арабского террориста стоял на картинке в моем свитере, а нагрудную его пластину украшали уральские самоцветы – и очень кстати: моя не бог весть какая пышная грудь Первосвященнику все же была великовата.

...К тому времени, о котором пойдет речь, мы с Витей делали местную газетенку о двенадцати страницах для моего пасторального городка в Иудейской пустыне.

Как бывает обычно, в самой гуще пасторали булькала весьма интенсивная криминальная каша, потому что за последние годы в городок приехало много наших людей. Так что самой интересной и насыщенной рубрикой была «Уголовная хроника». Раз в месяц я собирала данные о текущих безобразиях у начальника местного полицейского отделения, славного парня с простодушной улыбкой восточного хитреца... Звали его... Нет, пожалуй, для русского уха это расхожее имя марокканского еврея может показаться издевательством. Короче, звали его Саси Сасон, и можно представить, какие кружева выплетал в процессе верстки сквернослов Витя из этого вполне заурядного имени, присобачивая к нему невинные приставки и ни о чем не подозревающие суффиксы.

Нельзя сказать, что сонный городок потрясали убийства из ревности, чудовищные насилия или еще какая-нибудь жуть. До приезда «русских» покой в основном нарушали арабы из соседних деревень, забредавшие на наши улицы и весело трясущие перед школьницами смуглыми своими причиндалами. Верстая подобные новости, Витя обычно напевал: «...а в солнечной Италии большие гениталии». Ну и, конечно, марихуана. Смекалистые горожане выращивали ее в цветочных горшках на балконах, а то и на своих участках

перед домом – мирные утехи садоводов-любителей.

С приездом «наших» список правонарушений не то чтобы очень расширился, но – скажем так – значительно обогатился необычными и даже изысканными способами пренебречь такими пустяками, как закон.

Почему-то подоплекой большинства этих происшествий было эротическое восстание смятенной души. Чувствовалось, что мои бывшие соотечественники, ошарашенные местной сексуальной свободой, метались в клетке своих комсомольских предпочтений, мучительно пытаюсь раздвинуть ее железные прутья, а то и сломать засов...

Раз в месяц я появлялась у Саси Сасона с диктофоном, и размеренным голосом он сообщал об угнанных автомобилях, о задержанных курцах марихуаны, об арабах, укравших на очередной стройке банку с побелкой или мешок с цементом. (В эти минуты сама себе я напоминала пчелу, собирающую мед с неказистых цветков, возросших на навозной куче.)

И наконец – он приберегал это напоследок, – простодушно улыбаясь, сообщал, стервец, что-нибудь «эндакое». При этом никогда не открывал имени правонарушителя, сопровождая протокольные сведения довольно странной для полицейского фразой.

– К черту подробности! – восклицал Саси Сасон. – Подробностей не знает никто.

Что говорить, грошовый это был заказ, да и не могли мы требовать большего от местного муниципалитета с его провинциальным бюджетом. Впрочем, мы вкладывали в газетенку изрядную часть души.

Например, в рубрике «Вопросы – ответы» придумывали фамилии вопрошающих граждан.

Тут уж мы порезвились. Поначалу использовали инициалы, затем – имена знакомых и родственников, затем – фамилии литературных героев, присобачивая к ним имена пожилых евреев. Самуил Вронский задавал вопросы Соломону Левину, а им обоим возражала Фира Каренина. Это проходило незамеченным.

В конце концов мы обнаглели настолько, что стали использовать имена китайских и японских императоров.

Это, кстати, и привело нас к живым (еще живым) китайцам.

* * *

Однажды утром мне позвонили. Старческий голос выговаривал слова как-то слишком аккуратно. Я бы сказала: целомудренно. С родным языком так церемонно не обращаются.

– Госпожа такая-то, с вами говорит Яков Шенцер, председатель иерусалимского отделения общества выходцев из Ки-

тая. Будете ли вы столь любезны уделить мне толику вашего внимания?

– В смысле – встретиться? – спросила я, помолчав.

– Если вы будете столь любезны.

– Ладно, – сказала я. – А где?

И мы назначили встречу в одном из любимых мною местечек в центре Иерусалима – в доме доктора Авраама Тихо и жены его, художницы Анны...

Яков Шенцер уже дожидался меня за столиком под четырехцветным полотняным тентом на каменной террасе старого дома.

Полуденное время благословенного октябрьского дня: сюда, в маленький парк, едва долетали дорожные шумы двух забитых транспортом и людьми улиц, меж которыми он был зажат, – улиц Яффо и Пророков.

Ветер, погуливая в старых соснах и молодых оливах, гонял вздрагивающие тени по траве парка, по каменным плитам террасы. Я любила и дом, и сад, и эту неуловимую грусть бездетности бывших хозяев, из-за которой, после смерти Анны, дом перешел во владение города и стал музеем.

Собственно, не узнать господина Шенцера было невозможно: на террасе сидела только отпускная парочка в солдатской форме и поодаль, у облупившихся каменных перил, старичок – даже издалека, даже на беглый первый взгляд – из благородных.

Его можно было принять за одного из немногих, оставшихся в живых, немецких евреев, которые живут в Рехавии, на концертах симфонической музыки сидят с нотами в руках, сверяя звучащее соло кларнета с написанной партией, и по утрам спускаются выпить свою чашечку кофе в уютные кондитерские.

Он тоже узнал меня издалека – да я и предупредила, что буду в красном плаще и черной шляпе – хотя пора бы уже, пора оставить эти цвета Карменситы.

И по тому, как торопливо он поднялся, как предупредительно отставил второй стул, на который мне предназначалось сесть, – короче, по всему его облику Яков Шенцер представлял настолько достойным человеком, что сразу захотелось открыть ему глаза на то, что собой представляет «Джерузалем паблишинг корпорейшн» в настоящем виде, и посоветовать держаться от этой компании подальше.

Но я подошла, протянула руку, мы поулыбались, сели.

– Что вам заказать? – спросил он.

– Ничего, – отозвалась я благородно. На вид-то старичок был ухожен, но кто знает – что там у него за пенсия. Счетец обычно подавали здесь уважительный. – Ну, хорошо, закажите апельсиновый сок.

– И штрудл?..

Ах, он не прост был, этот господин, он знал это кафе, знал коронные блюда их кухни. Яблочный «Штрудл Анны» подавался здесь с пышным облаком взбитых сливок, на каком

обычно сидит, свесив босые ножки, румяный и лысый бог с карикатур Жана Эффеля.

В конце концов, подумала я, почему бы нам и не делать вполне прилично этот их будущий заказ...

– Да, и штрудл, – сказала я благосклонно. – Но для начала откройте мне ваше отчество.

Он задумался и несколько мгновений молчал, словно припоминая.

– Моего отца звали Мойше, Моисей... значит...

– Значит, Моисеевич...

Официант – мальчик тонкий, как выюнок, с серьгой в ухе, с оранжевыми, торчащими, как сталагмиты, сосульками волос – разложил перед каждым меню, похожее на партитуру. С обложки мягко улыбалась сама хозяйка дома. Та же старая фотография, что висела на одной из стен зала на первом этаже: молодая женщина в широкополой шляпе и мантилье, сидела полубоком, подперев рукой подбородок и чуть прищурившись от солнца. Анна, кузина и жена знаменитого офтальмолога Авраама Тихо... Знаем мы эти браки, бесплодие родственников чресл... Закончить Венскую школу живописи, до ногтей мизинцев быть европейской женщиной – и всю жизнь писать голые пейзажи унылой Палестины, помогая мужу в глазной клинике...

– Ну, Яков Моисеевич, – сказала я, косясь на стопку желтовато-пыльных брошюр у его правого локтя. – Выкладывай-

те, что там у вас. Какое-нибудь периодическое издание Союза ветеранов?

– Да, я обращаюсь к вам как к главе «Джерузалем паблишинг...»

– Кой черт – глава! – перебила я. – Всего лишь наемный работник.

Он смешался.

– Но... вы уполномочены вести переговоры?

– Это – да. Как решу, так и будет.

Собственно, я сказала чистую правду. Я действительно имела скромный статус наемного работника и действительно решала: в какую из предложенных нам авантур пускаться, а в какую – не стоит. Потому что Витя не ощущал опасности и с огромным воодушевлением лез в первое попавшееся дерьмо.

– Кажется, по телефону я уже рассказывал в двух словах об организации выходцев из Китая... – Яков Моисеевич легким прикосновением сухих старческих пальцев двигал выложенную перед ним салфетку, на которой поблескивали тонкая вилочка для пирожных и чайная ложка. – Это люди, которые значительную часть жизни прожили в Китае, там прошли их детство, юность, молодость, а в тридцатые-сороковые годы они разбрелись по всему миру. В Израиле проживает сейчас около двух тысяч выходцев из Китая.

– Вы имеете в виду китайских евреев?

– Нет, я имею в виду русских евреев. Многие семьи рус-

ских евреев, которых волны революции и Гражданской войны выбросили за пределы России.

После каждого третьего слова старик вскидывал на меня неуверенный взгляд, словно сверяясь – правильно ли повел разговор. Мне показалось, что он слегка волнуется.

– Но почему – в Китай? – спросила я. – Не в Берлин, не в Париж, не в Прагу...

– Бог мой! – воскликнул он, откинувшись на спинку стула. – И в Берлин, и в Париж, и – в Китай!.. Наша семья, например, жила во Владивостоке. У отца были торговые связи с Маньчжурией... Так что... Впрочем, вот... – Он подвинул ко мне стопку выцветших брошюр, – несколько номеров нашего «Бюллетеня». Вы можете взять их домой, изучить, и тогда многое для вас перестанет быть тайной за семью печатями...

Изучить! Кажется, он всерьез полагал, что мне нечем занять долгие зимние вечера в вятском имении дяди... Я подвинула к себе бледно отпечатанные газетки, даже на вид убогие и какие-то... старческие.

Нет, говорю я вам, надо было очень сдерживаться, чтобы не заржать, листая этот их «Бюллетень». На первой странице красовалась рубрика «Новости со всех концов земного шара». Знаете, что в этих новостях, к примеру, было? «Фаня Фиш в четверг почувствовала себя плохо, и ее госпитализировали и оперировали. Лу преданно ухаживал за ней. Ми-

лый, трогательный Лу! Пожелаем же нашей Фане скорейшего выздоровления, на радость всем нам!»

– Кто такая Фаня Фиш? – спросила я.

– Это наша главная жертвовательница, – ответил он благоговейно, как ответил бы настоятель индуистского монастыря на вопрос идиота-туриста: что это там за огромная многорукая статуя.

– Но... если я не ошибаюсь, вы хотите коренным образом переделать газету, сделать ее привлекательной и интересной не только для членов вашей общины? – я была сияюще предупредительна.

– Да-да, конечно, но не за счет наших, так сказать, столпов существования, – твердо проговорил он. – Их радости и печали, соболезнавания близким, когда они уходят в лучший мир, последние новости их уникальных биографий должны украшать первую страницу издания!

– Понятно, – сказала я. – У престарелой Фани Фиш есть богатые наследники, которые не должны забывать о славном прошлом отцов.

– Вы несколько брутальны, дитя мое, – грустно заметил он. – Что, впрочем, сообщает нашей беседе определенную ясность.

Он мне страшно нравился, милый старикан, – аккуратным помешиванием ложечкой в стакане, скупыми деликатными движениями и этим внятным проговариванием слов, таких

ладных, ровненьких и чуть заплесневелых. Старческие чистые руки с плоскими, будто сточенными временем большими пальцами...

Нет, вблизи он не был похож на немецкого еврея. Те – суховаты, чужеваты, отстранены от местных уроженцев тяжелой виной – своим родным языком... Яков Моисеевич скорее похож был на дореволюционного русского интеллигента.

Ветер нежно раскачивал ветки молодой оливы, растущей прямо посреди террасы, недалеко от нашего столика.

По каменным плитам металось солнце, пойманное в вязкий сачок теней.

Я полистала еще несколько номеров «Бюллетеня»: желтые страницы воспоминаний о каких-то харбинских еврейских гимназиях, о спортивных обществах, о благотворительных вечерах в пользу неимущих учеников реального училища в Шанхае...

– Яков Моисеевич, – сказала я решительно, – полагаю, зашивших три тысячи шкалей в месяц мы перестроим вашу унылую развалюху в царские чертоги ослепительного величия.

– Мне рекомендовали вас как человека дельного и надежного, – проговорил он сдержанно, как бы подводя черту под этой частью нашей беседы.

Затем подозвал официантку и заказал еще сока, чем покорила меня совершенно.

– А в каком году вы бежали в Харбин? – спросила я, чтобы

поддержать разговор.

– В двадцать втором, когда Владивосток заняли бандиты.

– Красная армия?

– Ну да, эти бандиты...

Я не стала говорить Якову Моисеевичу, что мой дед был одним из тех, кого он величал столь невежливо.

– Отец находился тогда в Харбине по делам. А семья – на даче, на шестнадцатой версте. Когда стало известно, что красные в городе, мать дала отцу телеграмму: «Оставайся на месте, плохая погода, можешь простудиться». А сама стала быстро собирать вещички. Мне был годик, сестре – пять. Няня у нас была деревенская русская баба Мария Спиридоновна, да... Прижала меня к себе – я у нее на руках сидел, в батистовой распашонке, и говорит матери: «Не оставляй ты меня, старуху, здесь. Куда вы, туда и я. С вами жила, с вами умереть хочу...» Так, между прочим, оно и получилось. Няня умерла у нас в Харбине в тридцать третьем году глубокой старухой...

– И что же мать тогда, с двумя детьми, с нянькой?

– Ну, примчались с дачи – мы жили во Владивостоке на Светланской улице, – а в дом-то нас уже не пустили. Даже фотографии вынести не дали. Ну, и сейф там, конечно же, деньги, акции... Неразбериха страшная вокруг стояла... слава богу, сами спаслись. Когда добрались к отцу и тот узнал, что все потеряно, он сказал матери: «Не бойся! Начинаем все сначала»... А мне годик исполнился. И больше я в Рос-

сии никогда не бывал. Никогда.

– У вас прекрасный русский. Поразительно...

– Я же говорю вам – няня, няня. Старая русская женщина. В детстве любимым присловьем моим было «Батюшки-светы!»... Откуда бы этому взяться у еврейского ребенка?

– Ну да, Арина Родионовна. Так вы из богатеньких... – сказала я.

– Милая, мой отец занимался коммерцией! Нашей семье принадлежали богатейшие угольные копи, ну и разные там предприятия: мыловаренный завод, табачная фабрика, узкоколейная ветка железной дороги «Тавричанка» – она шла от копей до порта... – Яков Моисеевич покрутил ложечкой в чае, примял темно-зеленый листик свежей мяты в стакане и добавил меланхолично: – Ну, и пароход, разумеется...

– Досадно! – заметила я абсолютно искренне.

– Простите? – Он поднял голову. – Да, мой отец был известный филантроп. Известный человек. Если собирали денег для бесприданницы – первым делом шли к нему... Он много жертвовал на общество. Для этого организовывались благотворительные балы, знаете ли... К отцу подходили за пожертвованием, а он спрашивал – сколько дал Рутштейн? Рутштейн тоже был известный богач, но не так широк на пожертвования, как отец... Так вот, он спрашивает: сколько дал Рутштейн – я даю вдвое противу него!.. Да, его все знали, все обращались за помощью. Однажды вечером явилась молодая бледная дама в собольей шубе. Стала просить де-

нег – мол, в Петербург отцу послать, там голод, есть совсем нечего. Я, говорит, верну обязательно... вот, шубу в залог оставлю! А отец ей: «Мадам, вы меня не обижайте. Здесь не ломбард...» Денег, конечно, дал... Отец ведь дважды с нуля свои капиталы поднимал. Он и во Владивосток попал после Сибири, нищим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.